

Речь прерывается так называемыми риторическими восклицаниями и вопросами, исполненными, однако, самого искреннего воодушевления: «О! горестная участь многих миллионов!» («Черная грязь»), «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашей тощеты, насытитель нашего глада» («Хотиллов»), «Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнились нивы?» («Вышний Волочок»).

В наиболее патетических местах «Путешествия» слышатся лирические инвективы необычайной силы, следующие большею частью за размышлениями о рабстве крепостного крестьянства, за описаниями и рассказами о его бесправии и нищете: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, воздух. Да, один воздух!» («Пешки»), «Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются, как скоты! О законы!» («Городня»).

Эмоциональная взволнованность, лирические подъемы речи передаются, кроме того, посредством повторений как отдельных слов («Вообрази, вообрази, говорил повествователь мой... вообрази мое положение», «пускай меня посадят в темницу... пускай меня мучат, пускай лишают жизни» («Спасская полость»)), так и целых предложений («Извозчик мой затянул песню», «Извозчик мой поет» — «София»).

Внутренне эмоциональны и поэтому динамичны, полны движения лучшие повествовательные эпизоды «Путешествия». Таковы в особенности рассказы о сибирском заключении («Чудово»), о «государственном наместнике» — любителе «устерс» («Спасская полость»), о «чиновнике, закутанном в большую япанчу», оказавшемся жертвою несправедливости приказных, разом лишившемся своего состояния, жены, ребенка и вынужденном, не похоронив их, бежать от ареста («Спасская полость»), о приезде на почтовую станцию вслед за «гвардейским полканом», важного вельможи — «его превосходительства» («Завидово») и др. Несколько строчек из повествования о встрече в Завидове с этой «превосходительной особой» могут наглядно подтвердить сказанное о мастерстве Радищева как рассказчика: «Еще издали слышен был крик повожиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес подымающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком».

Автору «Путешествия» знакомо употребление отрывочных, незаконченных, как бы разорванных предложений при изображении быстрого действия, а также сильных душевных движений